

Япония и японцы в документах РГИА ДВ

Дальний Восток России, в силу окраинного, пограничного положения в рамках российской государственности, является зоной международного регионального взаимодействия. В середине XIX в. на берегах Тихого океана столкнулись интересы европейских и азиатских государств, прежде всего России, Китая, Кореи и Японии. Применительно к Российской империи, задачи высокой государственной политики решались в большей степени за пределами данной территории. Здесь же осуществлялся непосредственный контакт между народами: узнавание, восприятие, сотрудничество или противостояние.

Согласно опубликованным трудам российских ученых, о Японии русские могли узнать довольно давно, в XIII-XV вв., благодаря информации, приходящей из Золотой Орды и европейских государств¹. Как писал Марко Поло, это была таинственная богатая страна, где даже крыши дворцов были золотыми. В XVII в. россияне вышли на берега Тихого океана, приблизившись вплотную к сказочной стране. В XVIII в. российские императоры уже не только знают о существовании, но и ищут пути для завязывания связей с Японией. При этом, представления о ней еще не совсем географически определены – то ли остров, то ли полуостров. И море на русских картах пока носит название – Корейское, Восточное². В это же время в России впервые предпринимают попытку изучения японского языка.

Далее события развиваются по нарастающей – в XIX в., во многом благодаря деятельности Российско-Американской компании, русские лучше изучили тихоокеанские берега, знания о регионе стали полнее, а интересы - определеннее. Задача была одна - противостоять активным европейцам, прежде всего англичанам и французам. Вступив в непосредственный контакт с дальневосточными странами и осознавая свою слабость в осваиваемом регионе, Россия стремилась наладить максимально дружественные связи с соседями, «полюбовно» решать возникающие проблемы. В результате был заключен целый ряд взаимовыгодных договоров с сопредельными государствами, в том числе и с Японией.

Российские моряки приняли действенное участие в «открытии» Японии, поскольку они непосредственно были заинтересованы в доступных портах, пресной воде, угле и

продовольствии. Начавшаяся модернизация самой Японии способствовала тому, что процесс узнавания стал обоюдным, а затем привел к столкновению интересов, как на море, так и на континенте. Русско-японская война подвела итог взаимным претензиям, показала бесперспективность военного противостояния, хотя Япония и получила половину Сахалина и привилегированное положение в рыбодобыче в российских водах.

Естественно, что столь долгий путь развития отношений между двумя странами должен был отразиться в обширной источниковой базе. Однако масштабы Российской империи, особенности системы управления территориями и комплектование архивов способствовали тому, что корпус этих документов оказался разобленным. Основная масса материалов по истории взаимоотношений двух стран находится в Москве и Санкт-Петербурге (РГАДА, РГАВМФ, РГИА, АВПР и др.). Именно эти документальные собрания чаще всего и используются исследователями, как отечественными, так и зарубежными. При этом материалы местного (регионального) управления чаще всего остаются вне поля зрения ученых.

Крупнейшим хранилищем таких документов является РГИА ДВ, архив, долгое время малодоступный для исследователей. После возвращения архива в регион из Сибири ситуация заметно изменилась. Он стал востребован, о чем свидетельствует увеличение в несколько раз количества исследователей и появление работ дальневосточных ученых по проблемам формирования и жизнедеятельности японской диаспоры³. Но груз накопившихся проблем: отсутствие помещений для размещения фондов, недостаток сотрудников, устаревший научно-справочный аппарат, рукописный характер основного массива документов – не дает возможности представить сегодня полный обзор материалов РГИА ДВ по истории взаимоотношений двух стран. По этой причине данная работа носит фрагментарный характер и преследует единственную цель – показать, что, погрузившись в материалы делопроизводства органов местного управления, можно увидеть отражение многих важных процессов в русско-японских отношениях, наполнить их конкретными людьми и событиями, а нередко и уточнить историографические факты. Оценить же выявленную информацию должны специалисты.

Сохранившиеся и доступные на сегодняшний день документы РГИА ДВ дают возможность проследить обыденное, ежедневное присутствие японского фактора в жизни дальневосточных россиян. Они воспринимали контакты и совместное проживание с азиатским населением как неизбежность, следовательно, это было сосуществование, в котором каждая сторона находила для себя определенную выгоду. Это были обычные человеческие отношения, которые не мешают участникам, сохраняя друг к другу в душе чувство некоторого превосходства, жить много лет на одной территории.

Очень хотелось бы найти документы, позволяющие определить начальный момент знакомства дальневосточного российского населения с Японией и дальнейшее его развитие, источники поступления информации об этой стране, но, к сожалению, пока это не удалось сделать. Хронологически в данной работе мы ограничимся рамками второй половины XIX – начала XX вв., поскольку документы более раннего времени не доступны.

Одни из самых ранних выявленных документов относятся к началу 1860-х гг. В фонде 701 «Главное управление Восточной Сибири» сохранилось дело, озаглавленное «Об отправлении японским правительством в Николаевск экспедиции на шхуне японской постройки». Начало ему положено посланием И.А. Гошкевича, направленным из Российского императорского консульства в Хакодате 12 мая 1861 г. военному губернатору Приморской области, с информацией о намерении японского правительства отправить в Николаевск шхуну, выстроенную по европейскому образцу. Цель экспедиции консул сформулировал следующим образом - «многоразлична: а) чтобы дать своим офицерам случай к морской практике, в) взглянуть на портовые, лоцманские и другие постановления и порядки для введения подобного и у себя, с) осмотреть укрепления устьев Амура и д) испытать, какого рода торговля возможна между Японией и нашими восточными портами»⁴. Письмом от 24 мая 1861 г. он подтвердил факт подготовки к отправке шхуны на следующий день, 25 мая. Экипаж корабля должен был состоять из 5 офицеров и 20 человек команды. Консул оценил это событие как первый шаг в усвоении японцами европейского образования и просил губернатора сделать его «легким и не отвратить их от дальнейшего пути».

И.А. Гошкевич со своей стороны командировал с экипажем одного из имеющихся при консульстве «юнгов», или кантонистов – Федора Карлиона, достаточно, по его мнению, сведущего в разговорном языке⁵. Факт обучения при консульстве в Хакодате 3 молодых кантонистов известен в литературе⁶, однако написание фамилии «бойкого» переводчика в сохранившихся в РГИА ДВ автографах писем И.А. Гошкевича, как видим, иное (Кариолин). Последнее письмо консула пришло в Николаевск на Амуре 26 июня 1861 г. К этому времени в городе уже шла активная работа по подготовке встречи японских моряков, возложенная на чиновника особых поручений при военном губернаторе коллежского асессора Василия Константиновича Бодиско. Помещение было ангажировано в здании Николаевского благородного собрания, городской архитектор Леонтьев занимался отделкой комнат. У николаевских купцов закупались продукты: варенье, ликеры, живность. Многочисленные счета на сделанные покупки у Амурской компании, купцов Есипова, Зимина и др. подшиты в означенном деле. Судя по рапорту

Бодиско от 27 июня, японская шхуна «Камита-Мара» уже пришла в Николаевск, т.к. он отправил продукты к командиру корабля капитану Мизуно Сиудой⁷.

Представление о том, как осуществлялся прием, дают черновые рукописные копии донесений (отпуски) должностных лиц. Одним из самых интересных является отпуск донесения от 8 июля 1861 г. о пребывании японцев в Николаевске, направленного генерал-губернатору Восточной Сибири в Иркутск. Поскольку в момент прибытия японцев военный губернатор Приморской области П.В. Казакевич отсутствовал, то прием проводил капитан 1 ранга Петровский, временно исполнявший обязанности губернатора. Автор донесения отмечает, что судя по беседам с капитаном японской шхуны, тот не получил никаких особых поручений, кроме ознакомления с городом⁸. Следует отметить, что мнение Петровского о переводчике значительно отличается от характеристики, данной консулом и распространившейся в научной литературе. Он считал, что «кантонист переводит весьма неудовлетворительно», что особенно затруднительно при официальных церемониях. Большую помощь в общении с японскими моряками оказал переводчик Штаба командира Сибирской флотилии и портов Восточного океана фон Кух. Какими языками владел этот человек, сказать сложно, но в его собственноручной записке дано иное звучание названия шхуны и имени капитана: «Камида-маро» и Мизуно Сюодай.

О времяпровождении японских гостей донесение информирует, что старшие офицеры шхуны поселились на берегу в подготовленных для них помещениях. Экипаж с помощью русских осуществил исправление повреждений, полученных шхуной во время перехода. Чаще всего японцы посещали порт, механические мастерские, а судовой врач провел немало времени в морском госпитале. Как записано в документе, «был при вскрытиях нескольких мертвых тел» и осмотре пациентов русскими врачами. 29 июня обед для гостей в ресторане своей гостиницы давал купец Рафаилов.

Приложенный к донесению рукописный список прибывших гостей дает возможность уточнить данные Гошкевича. В числе офицеров шхуны, кроме капитана, значились Такида Аясабуру, Фуцита Сиуюме, Китаога Кензабуру, Иогосени Скипациро, штурманские офицеры Эбиноссе Эзиро, Кацио Уэмон и врач Фкассио Оссун. При передаче написания японских имен кириллицей мы сталкиваемся с проблемой, которую можно решить только совместными усилиями российских и японских ученых, т.к. сохранившийся рукописный текст не позволяет гарантировать точное отражение звучания японских слов. Команды прибыло 27 человек. Кроме того, приехали 2 купца из Хакодате, которые доставили в Николаевск шелковые материи, нитки, лаковые вещи, бронзовые вазы и фигуры, картины, деревянные и фарфоровые изделия и т.п.

В деле содержится информация о подарке, сделанном японским гостям: им был передан один из штуцеров американского производства с принадлежностями, из числа состоящих при Николаевском стрельбище⁹. Точную дату ухода японцев из Николаевска по делу определить не удалось. Это было где-то в начале сентября, на следующий день после визита капитана шхуны к военному губернатору П.В. Казакевичу. Судя по черновику его донесения генерал-губернатору Восточной Сибири № 279, разговор касался Сахалина и, по мнению губернатора, именно этот вопрос «живо интересовал» японскую сторону. На следующий день транспорт «Манжур» увел шхуну в Де-Кастри, откуда она уже самостоятельно отправилась в обратный путь.

Другие ранние документы, в которых присутствуют реалии Японии, - это материалы 1870 г., связанные с прокладкой датской компанией «Great Northern Telegraph China and Japan extension Company» телеграфного кабеля, соединившего порт Владивосток с Нагасаки, и, фактически, включившего российский Дальний Восток в мировую коммуникативную систему¹⁰.

Нагасаки, судя по всему, был одним из наиболее популярных для дальневосточников портов Японии, с которым было налажено пароходное сообщение. Этот порт являлся последним заграничным пунктом при движении переселенцев морским путем на судах Доброфлота. Поступающая информация о приходе в Нагасаки парохода Доброфлота имела важное справочное значение для жителей края: через двое суток можно было ожидать во Владивостоке необходимые грузы, корреспонденцию и пассажиров. В одном из дел за 1902 г. удалось обнаружить информацию о сооружении в этом городе русского Морского Дома. Командиром Владивостокского порта было даже создано «Общество попечительства», которое собирало деньги на строительство среди военнотружущих в Приморской области¹¹.

В начале XX в. регулярное пароходное сообщение с японскими портами осуществляли многие транспортные компании, в том числе японские. Именно через японские порты россияне отправлялись в заграничные командировки, в поездки морем в европейскую часть страны, здесь проводили отпуска и лечение. Значимость этих пунктов в транспортной схеме определялась их развитостью как портов и близостью к российскому тихоокеанскому побережью. В среднем переход от Владивостока до Нагасаки составлял 51 час, до Цуруги – 39 час. В Цуругу регулярные рейсы совершали суда «Русского Восточно-Азиатского пароходства» («Руссазиатик») и компании «Осака-Сиосен-Кайша». Расписание движения составлялось таким образом, чтобы пассажиры морских судов могли без задержек воспользоваться услугами железной дороги – экспресса, отправляющегося в европейскую часть страны. Например, в 1907 г. пароход

компании «Руссазиатик», совершавший рейс из Шанхая с заходом в Нагасаки, приходил во Владивосток в четверг утром, поезд отправлялся в этот же день вечером. Судя по сохранившимся документам на оформление загранпаспортов, выезд в Японию не был сложен для всех категорий населения. Билет 1 класса на пароходах японской компании, к примеру, стоил 30 руб. при европейской кухне, 3 класса – только 7 руб. при японской кухне¹².

Важнейшее значение имели японские связи для развития российского предпринимательства. В 1860-80-е гг. без Японии невозможно было бы наладить снабжение российских дальневосточных территорий продовольствием и другими товарами первой необходимости. Именно на японской базе смогла действовать крупнейшая компания по осуществлению северного завоза, принадлежавшая А.Ф. Филиппеусу. Активности экономических связей способствовал режим порто-франко, действовавший практически на всем тихоокеанском побережье России до 1909 г.

Зависимость российского Дальнего Востока от японского производства и посредничества четко видна в документах совещания предпринимателей г. Владивостока по порто-франко, прошедшего в апреле 1895 г. Оно было созвано администрацией края для выяснения вопроса о том, какие товары могли быть обложены пошлиной без особого «обременения местного населения»¹³. В совещании приняли участие 11 человек, один, крупнейший торговец региона представитель торгового дома «Кунст и Альберс» Адольф Даттан, в связи с отъездом в Японию, прислал свое мнение в письменном виде. Заметим, что среди участников не было ни одного японского торговца, чьи интересы могли быть напрямую связаны с японским рынком. Результаты совещания выглядят следующим образом. Из более 220 выделенных товаров, ввозимых на Дальний Восток России, абсолютное большинство прибывало из Японии. Прежде всего, это хлеб в зерне и мука, соль, картофель, стеклянные изделия, мебель, обувь, бумага, шелковые ткани и т.п. Сказывались скорость доставки, например, свежих яиц и фруктов в период навигации, дешевизна ввозимых продуктов и монополия на их производство. Причем, нередко это проявлялось даже в тех отраслях, которые развивались непосредственно в крае. Например, добыча каменного угля, необходимого топлива для морских судов, изначально осуществлялась в регионе, но его себестоимость, даже при условии использования труда каторжан на Сахалине была в 2,5 – 3 раза выше, чем привозного японского, а качество хуже. Еще один важный нюанс – это монополия на производство. Легкая бамбуковая мебель, зонтики, пуговицы, украшения, вышитые предметы одежды, платки, шали и т.п. предметы попадали в разряд так называемых «изящных» вещей, пользовавшихся большим спросом у россиян, оценивших красоту работы и мастерство соседей.

Любопытно, что по отношению к не менее красивым и самобытным вещам китайского производства определение «изящный» в местных рекламных изданиях практически не встречается.

При малой заселенности края и большой потребности в рабочих руках, японские мигранты в силу своих личностных качеств оказались лучшими среди азиатов. Приамурский генерал-губернатор С.М. Духовской назвал эти качества одним, но очень емким словом «порядливость»¹⁴. Это подтверждается целым рядом документов и исследований, где приведены примеры привлечения японцев для железнодорожного строительства.

Для японцев российская территория представляла интерес в условиях перенаселенности островов и начавшейся в 1868 г. вестернизации. Поиск источников существования был главным стимулом в перемещении на материк. Правда, нельзя сказать, что японцы в этом движении были предельно активны. Среди азиатских мигрантов они стабильно занимали 3 место после китайцев и корейцев. Это подтверждает новейшая работа дальневосточной исследовательницы Т.З. Позняк, основанная на материалах РГИА ДВ. В ней отмечается, что преимущественно японские мигранты селились в городах (77,5 % диаспоры), среди которых предпочтение отдавалось Владивостоку¹⁵. К началу Первой мировой войны численность японцев, проживавших на российском Дальнем Востоке, составила около 5 тыс. человек. Прежде всего, японские мигранты заполнили нишу сферы услуг. Национальные черты – доброжелательность, услужливость, исполнительность и аккуратность – сделали японцев первыми нянями, прачками, гейшами, врачами, фотографами. Кроме того, в результате миграции была заполнена еще одна ниша – демографическая. Российский Дальний Восток постоянно испытывал недостаток женского населения, что лишало стабильности процесс освоения территории. Особенностью японской диаспоры в регионе было то, что численно в ней преобладали женщины. Мужчины, как правило, прибывали на сезонные работы.

В делах архива сохранилось большое количество свидетельств и паспортов, выдаваемых временно проживающим иностранцам. Это прекрасный массовый источник, к сожалению, используемый пока лишь в качестве источника персональной информации. Это несправедливо, т.к. по этим данным можно сделать интересные выводы о характере миграции, условиях пребывания и проживания мигрантов в России, возрастном составе и проч. Легальное проживание иностранцев в пределах Российской империи было возможно на основании так называемых билетов на жительство, выдававшихся местной администрацией и базировавшихся на национальных паспортах. Национальный паспорт японским мигрантам мог быть выдан как японским правительством (министерством

иностранных дел), так и Владивостокским коммерческим агентом. Билет на жительство выдавался сроком на один год, давал право повсеместного проживания в пределах империи и содержал персональные сведения: вероисповедание, внешние приметы, возраст, семейное положение. К сожалению, не всегда эти графы заполнялись полностью, чаще всего только возраст и имя. Половая принадлежность определяется по формулировке записи – «подданный», «-ая». Только в одном деле № 1608 из фонда 1 «Приморское областное правление» за 1898-99 гг. сохранилась паспортная информация о 54 японцах, проживавших в Николаевске, Владивостоке и Хабаровске и получивших в этом году билеты: Накатани Козиро, Ямамото Жутаро, Огава Сензоо, Миямото Сингичи, Саката Миеза и др. Из них 34 билета получили японки, т.е. более 60%. Возраст мигрантов колеблется в пределах от 20 до 45 лет, преобладают тридцатилетние. Не все были грамотными, особенно женщины. За них расписывались и получали документы третьи лица. Так, например, за Хато Таго и Матаяму Сика билеты получил Мацузоно. Внешнее оформление этих документов дает основание несколько уточнить утвердившееся мнение о том, что все японские женщины, проживавшие на российском Дальнем Востоке, были жрицами любви. Штамп об уплате городского больничного сбора присутствует лишь на некоторых из сохранившихся в деле документах.

При недостатке представительниц женского пола естественным процессом было сожительство представителей различных национальностей, в том числе русских и японцев. На данный момент подтвердить статистическими выкладками данное положение не представляется возможным, но отдельные примеры создания таких семей в документах встречаются. Так, в одном из дел обнаружено прошение японской подданной Иосида Исо, прожившей более 9 лет во Владивостоке в Матросской Слободе и бывшей гражданской женой уволенного в запас рядового из вольноопределяющихся Федора Яковлевича Васильева. Супруги имели общих детей. Фактически была создана семья, однако, юридическое признание ее существования в традиционном российском обществе было невозможно. Для закрепления гражданского состояния этой интернациональной семьи жене было необходимо принять русское подданство и стать православной. Именно поэтому Иосида Исо 16 июня 1894 г., «вследствие убеждений означенного Васильева, уверовав в истину православия и желая принять Святое крещение», а также «ввиду предстоящего бракосочетания», просит принять ее в русское подданство¹⁶. Однако, прошение оставлено без последствий, т.к. согласно российскому законодательству женам должны были сообщаться все права и преимущества, сопряженные с состоянием мужа. Таким образом, система закрепляла утвердившийся в общественном мнении сомнительный статус всех японских женщин, в том числе ставших верными женами и

хорошими матерями. В таких вот отдельных историях, на мой взгляд, и проявляются реальные взаимоотношения между народами, которые невозможно увидеть в текстах внешнеполитических трактатов.

Еще одна картинка из обыденной жизни японской диаспоры: в июле 1894 г. японцы, проживавшие в г. Хабаровске, захотели по обычаю кремировать умершего японца. Для этого необходимо было получить разрешение полицеймейстера Чернова, который в свою очередь обратился к губернатору. П.Ф. Унтербергер ответил, что лично препятствий для этого не встречает, если нет каких-либо других законных ограничений¹⁷. Несмотря на то, что это лишь один из эпизодов многогранной жизни, но он ярко свидетельствует о толерантности местного населения, в том числе должностных лиц.

Естественно, что при активном интересе российских предпринимателей к японским рынкам, российский Дальний Восток должен был вызвать ответное чувство у японских бизнесменов. Однако, как уже было отмечено, крупный японский капитал здесь не был особо представлен. Возможно, это произошло из-за достаточно позднего включения Японии в мировую капиталистическую систему, возможно, потому, что существовали определенные барьеры и ограничения в этой сфере со стороны российских властей.

Одним из наиболее ранних торговых домов, действовавших во Владивостоке, был «Бозэкисиокай», которым владел владивостокский купец 1 гильдии Матахей Маида¹⁸ (ул. Пекинская, 59). Согласно данным адресной книжки за 1907 г. во Владивостоке действовали 5 торговых фирм (Ямато, Сугиура, Киосинша, Сейси Сиокай, Иманиси), 1 завод фруктовых вод Кобаяси, 3 агентства паровых компаний (Ниппон-Юсен-Кайша, Сойто, Осака-Сиосен-Кайша), в Хабаровске вел прием зубной врач Канаяма. В Николаевске одним из крупных торговцев был японец П. Симадо. Даже учитывая неполноту сведений, собираемых издателем аналогичных справочников, а также время его составления - после русско-японской войны, нельзя не признать, что значительных японских торговцев и предпринимателей не так уж и много.

Единственная отрасль, которая действительно заинтересовала японских предпринимателей – добыча рыбы и морепродуктов, где была занята основная масса японских сезонных рабочих (в 1913 г. – свыше 16 тыс. человек), где использовались японские технологии добычи и переработки, и где основными потребителями были рынки Японии. Поэтому вполне закономерно обилие сохранившихся в фондах РГИА ДВ документов по истории японской рыбопромышленности, по вопросам регулирования взаимоотношений российских и иностранных рыбопромышленников, особенно после принятия рыболовной конвенции 1907 г. Например, переписка Главного управления

Восточной Сибири с военным губернатором Приморской области в 1885 г. по вопросу о правах японцев на лов рыбы у берегов Сахалина (Ф.701.Оп.1.Д.54), временные правила 1893 г. для производства трепангового промысла (Ф.702.Оп.2.Д.95), рыбного промысла в низовьях р. Амура 1903 г. (Ф.702.Оп.2.Д.190), документация проведенных торгов на рыболовные участки 1908 г. (Ф.702.Оп.2.Д.185) и др. Анализ содержания многих из этих документов представлен в работах известного дальневосточного ученого доктора исторических наук А.Т. Мандрика¹⁹.

В послевоенный период у японского и российского капитала появилась возможность для взаимодействия в Маньчжурии. В результате в Харбине в апреле 1910 г. было создано Русско-Японское общество. На первом Учредительном собрании, в котором, по сообщению прессы, приняли участие более ста человек, был выработан устав и избран руководящий орган - Совет. В составе Совета общества были 14 человек: А. Болобан, И. Доброловский, Е. Дыновский, И. Вонсович, Н. Новиков, И. Петелин, Н. Штейнфельд, И. Гундзи, К. Фурусавы, К. Фусе, К. Нацуаки, Х. Такаги, Х. Сугино, Х. Цудзи. В члены общества на первом собрании вступили 80 человек.

Материалы сохранившегося в российском архиве комплекса документов дают возможность увидеть, как японское чиновничество осваивало европейскую систему делопроизводства. Широко известен факт учреждения коммерческого агентства Японии во Владивостоке в 1876 г. Исследователи установили имена коммерческих агентов: Саваки Хисако, Мацудайро Таро, Тэрамы Кити, Футацубаси Кен, Каваками Госицуне. Канцелярией агентства использовалась принятая в России система оформления документов: угловой штамп, дата, № по делопроизводству, русские формулы обращения и подписи на латинице или кириллице. В 1902 г., к примеру, угловой штамп содержал текст «Императорское японское коммерческое агентство во Владивостоке», дата давалась по российскому календарю и по эпохе Мейдзи. По содержанию рассматриваемый документ сообщал об отъезде на время в Японию агента Каваками, и передаче исполнения его обязанностей секретарю г. Сузуки. Каваками к этому времени уже довольно долго прожил во Владивостоке, документ написан на чистом русском языке, в том числе и автограф. Сузуки, по-видимому, был еще недостаточно опытен, поэтому его поздравление, направленное военному губернатору по случаю тезоименитства государыни Александры Федоровны, содержит ошибку и написано небрежно. Обращаясь к губернатору в официальном документе, он пишет «Его превосходительство!» вместо «Ваше превосходительство»²⁰.

После русско-японской войны во Владивостоке появилось императорское консульство, которое в 1909 г. получило статус Генерального. Естественно, сменился

угловой штамп, исчезло обозначение даты Мейдзи. Все встретившиеся документы консульства этого времени оформлены на пишущих машинах и не содержат ошибок. Например, извещение, направленное Городскому голове Владивостока оставляющим место консула Отори Фудзитаро. Свидетельствуя почтение и преданность, он информирует городские власти о передаче исполнения обязанностей вице-консулу Хези Нихей.

В сентябре 1894 г. по делопроизводству военного губернатора прошло сообщение о том, что бывший японский коммерческий агент во Владивостоке господин Терами намерен оживить торговые сношения Японии с Тихоокеанской окраиной России. Рекомендательное письмо для Приамурского генерал-губернатора «с удовольствием и охотно» ему написал императорский посланник в Токио М. Хитрово, охарактеризовав агента как человека известного с лучшей стороны и пользующегося всеобщим уважением²¹. Именно с господином Терами связано начало деятельности транспортной конторы «Ниппон-Юзен-Кайша», для которой в 1896 г. был куплен участок земли во Владивостоке.

Особой вехой во взаимном узнавании россиянами и их азиатскими соседями стал 1899 г. – год учреждения Восточного института, «рассадника практического востоковедения в России». Во Владивостоке сформировалась школа научного изучения Японии, здесь же готовились специалисты-практики – страноведы и филологи. В фонде Восточного института находим представительную информацию о подготовке японистов, программах обучения, заграничных командировках, проблемах практики и контактов. Среди выпускников первого набора японский язык изучали Алексей Кобелев и Павел Васкевич, ставшие классными специалистами и оставившие интересные работы об изучаемых странах²². Сохранились программы учебных курсов, подготовительные материалы к занятиям, отзывы на студенческие работы и другие документы, подготовленные преподавателями японского языка, такими как Е.Г. Спальвин, З.А. Маеда и др.

Поскольку на институт в соответствии с законами того времени была возложена цензура поступающих изданий, из его делопроизводственных материалов (отчеты) мы можем получить сведения о том, какие японские издания и в каком количестве поступали в Россию. При наличии в литературе высокой оценки деятельности Восточного института стоит обратить внимание на такой факт, что даже в 1910 г. цензор, выпускник Восточного института А. Занковский отмечал, что местные чиновники и должностные лица не знают ни языка, ни уклада жизни японцев, что является серьезным препятствием в развитии отношений²³.

В связи с известным печальным фактом во взаимоотношениях соседей – русско-японской войной, особый интерес представляют сохранившиеся документы о военных связях между двумя странами. Одно из самых ранних сообщений касается путешествия майора Фукушима из Берлина через Сибирь и Дальний Восток в Японию в 1891-92 гг. Эта история достаточно подробно представлена в работе японского исследователя Синтаро Накамура²⁴. В фондах РГИА ДВ отложились документы, сообщающие о прибытии Фукушимы в пределы Приамурского генерал-губернаторства и некоторые детали этого визита. Поскольку генерал-губернатор обладал полнотой и гражданской, и военной власти в регионе, через него проходила вся информация о военных визитах и путешественниках. Сведения из Военного министерства о поездке Фукушимы поступили генерал-губернатору с письмом Начальника Главного Штаба 27 февраля 1892 г. В письме подробно описывается маршрут путешествия и отмечается, что майор будет путешествовать верхом и в японском мундире²⁵. Военный министр препятствий для совершения такой поездки не видел и просил местную администрацию оказать всяческое содействие. В этих документах обнаруживается ряд отличий от информации Накамура. Во-первых, воинское звание Фукушимы определяется как майор. Во-вторых, описание маршрута, которым двигался японских путешественник, показывает, что после Семипалатинска он продвигался на восток по территории Китая и Монголии, и только в Кяхте вернулся в российские пределы. В этом же деле подшито рекомендательное письмо на французском языке японского принца генерала армии Тарухито Приамурскому генерал-губернатору барону А.Н. Корфу об оказании поддержки Фукушиму, датированное 11 июня 1892 г. Изящное по оформлению послание украшено золотым геральдическим тиснением в верхней части листа (мон). Еще несколько документов, сохранившихся в этом же деле, подтверждают факт прибытия Фукушимы в Благовещенск в марте 1892 г. В телеграмме от 5 марта русский посланник в Токио М. Хитрово просит генерал-губернатора от имени японского правительства одолжить майору на дальнейший путь 800 руб. с последующим возвратом через Японское коммерческое агентство во Владивостоке. Исполнение просьбы было в тот же день возложено на губернатора Амурской области Д.Г. Арсеньева, который 18 марта отчитался за выдачу денег²⁶. 24 апреля военный губернатор Приморской области П.Ф. Унтербергер в свою очередь перевел деньги амурскому губернатору, отметив, что Японским коммерческим агентом деньги были внесены незамедлительно²⁷. Это путешествие по своим масштабам перекликается с походом амурского казака Д. Пешкова, совершенным в 1889-1890 гг. по маршруту Благовещенск – Санкт-Петербург.

Через несколько лет на российский Дальний Восток прибыл из Европы еще один японский путешественник - майор Куросава, проезжавший «с научной целью» по Сибири, о чем в январе 1898 г. дальневосточные власти информировал посол Японии в Петербурге (Legation du Japon a St Petersburg. Hayashi). Он просил генерал-губернатора «сделать любезные распоряжения, чтобы майору Куросава было оказано возможное содействие». В деле имеются телеграммы местных должностных лиц, которые свидетельствуют, что Куросава благополучно прибыл 18 марта в Никольск-Уссурийский, а 21 марта был во Владивостоке²⁸. В другом деле этого же фонда отложились документы, предписывающие местным чиновникам наблюдение за продвижением Куросавы²⁹.

Документы архива свидетельствуют, что обмен военными наблюдателями и другие формы сотрудничества в военном деле довольно широко практиковались в конце XIX- начале XX вв. Например, в 1894 г. на короткое время в Токио приезжал военный инженер Курилов, который передал российскому посланнику просьбу Владивостокского крепостного начальства достать от японского Военного ведомства несколько самок почтовых голубей³⁰. Широко известен факт использования военными во Владивостоке для связи голубиной почты. До сих пор в топонимике города существует название Голубиная Падь, обозначающая место, где были построены военные голубятни. К сожалению, поскольку просьба поступила неофициально, то посланник не смог ее выполнить.

В апреле 1894 г. военный губернатор Приморской области П.Ф. Унтербергер получил из Российской императорской миссии в Токио от гофмейстера М. Хитрово сообщение о выходе в мае японской эскадры в составе 4 судов – «Мацусима-кан», «Такао-кан», «Циода-кан», «Ямато-кан» под флагом вице-адмирала Ито, которая направляется из Нагасаки в китайские и корейские порты. В августе-сентябре 1894 г. японские корабли планировали посетить Владивосток, где местная администрация должна была организовать достойную встречу, тем более, что к эскадре собирался присоединиться еще один корабль – «Иосино-кан», на котором лейтенантом был князь Ицидзю, младший брат императрицы³¹. Возможно, что по другим делам и периодической печати России и Японии можно проследить дальнейшую судьбу этого предприятия. Также мало известно из архивных документов о визите в 1897 г. японского генерала Каваками, однако Приамурский генерал-губернатор С.М. Духовской получил благодарность от японского правительства за его прием³².

В апреле 1902 г. начальник 1-го Сибирского армейского корпуса Генерального Штаба генерал-майор Иванов во Владивостоке сделал сообщение в Военном собрании о маневрах двух дивизий японской армии, на которых он присутствовал в конце 1901 г. Иванов информировал о личном посещении японского города Сендай вместе с другими

иностранными гостями. В его докладе можно выделить следующие логические части: а) сами маневры, цель, ход, документальное оформление и др., б) организация военного дела в Японии в целом, вооружение, снаряжение, обеспечение, строевая и тактическая подготовка и др., в) размещение и прием иностранцев в Сендае, реалии японского быта, и г) приезд японского императора в Сендай и посещение 4 гвардейского полка военной школы в Такио³³.

Рубеж в развитии связей и узнавании друг друга – русско-японская война. Для проживавших на российском Дальнем Востоке японцев ее начало обозначилось проявлением настороженного отношения местного населения и даже неприязню, хотя до крайностей дело не дошло, опять-таки в силу толерантности дальневосточников. В фонде «Канцелярии Приамурского генерал-губернатора» удалось найти одно любопытное анонимное послание 1904 г. о необходимости выселения японцев из Хабаровска. Их в это время насчитывалось в городе примерно 60 человек. Послание интересно не только содержанием, но и языком, потому приведем отрывок из него дословно. Неизвестный житель Хабаровска пишет: «Просим ваше превосходительство, ради бога, прикажите куда-нибудь убрать, удалить японца Такеучи и других с Хабаровска, хоть в Стретенск или куда. Верно говорю вам, его убьют, как и многих других, хоть их охраняйте, как знаете. Прикажите и вывеску его уничтожить, чтобы тут и духа их не пахло. Нам собственно его не жаль», и далее: «убьют Такеучи и прочих беспременно, рано или поздно убьют. Это решено и даже уже сговорились некоторые люди, а кто их будет защищать и тех убьют. Верно вам говорю»³⁴. Конечно же, во избежание возможных эксцессов власти были заинтересованы выслать японцев, однако для возвращения на родину не было ни пароходов, ни дипломатической возможности. Поэтому их выселяли внутрь Сибири, к Иркутску³⁵.

После войны взаимный интерес русских и японцев не только не ослаб, а можно сказать активизировался. Документы фонда Приморского областного правления показывают, что японские военные чины частенько посещали край. К примеру, только в 1911 г. Владивосток и Хабаровск посетил майор Генштаба Рокуро Исоме, полковник Суедзиро Сайто - Владивосток, Новокиевск и Хунчун³⁶.

В этом же году огромный интерес и активность в изучении Уссурийского края и нижнего Амура проявил Теразаки Ватару³⁷. Лесной инженер Министерства земледелия и торговли Японии был официально командирован для ознакомления с лесными промыслами Приморской области на предмет определения перспектив их промышленной разработки и участия Японии в этой отрасли. Маршрут, представленный японским консульством Приамурскому генерал-губернатору Н.Л. Гондатти, включал также

знакомство с прибрежными территориями от бухты Ольга до Николаевска – на - Амуре и знакомство с лесными дачами и заводами Скидельского в Евгеньевке и Бикине³⁸. Представляет интерес, как организовывалось это путешествие. О нем сообщали русские и японские газеты, в том числе «Правительственный вестник». Консульство известило местную администрацию, прося содействия и поддержки. Российская сторона заставила обязательно получить разрешение из Штаба Приамурского военного округа, поскольку при поездке иностранного подданного по «малонаселенным и некультурным» местам власти должны были обеспечить безопасность путешественнику. Нелепость этого требования ясно видна и очень скоро дала себя знать практически – за получением разрешения японскому путешественнику нужно было проехать через весь край до Хабаровска. Стоит ли удивляться, что он без проблем отправился и дальше по Амуре в Благовещенск, не дожидаясь разрешения. Сложно судить, насколько результативным было пребывание лесного инженера с точки зрения перспектив развития отрасли, но, судя по документам, хлопот российскому чиновничеству он доставил много. Несмотря на то, что Теразаки Ватару русским языком не владел, он легко пускался в самостоятельные поездки по краю и побывал не только в местах, заявленных в маршруте, но и продолжительное время прожил в Хабаровске, Благовещенске, Николаевске-на-Амуре, где общался с представителями местных японских обществ. Визит японского инженера получился длительным: в июле 1911 г. он занимался оформлением разрешения в Хабаровске, а в сентябре вместе с консулом Отори посетил Николаевск.

В годы первой мировой войны, в октябре 1914 г. из Владивостока в Петроград отправился поездом летучий отряд японского Красного Креста, прибывший из Токио через Цуругу. Состав отряда – 3 врача, фармацевт, 2 секретаря-переводчика, 7 медсестер. Они везли с собой 300 кг багажа для лазарета на 100 раненых. Поездка осуществлялась под контролем императорского посла в Токио гофмейстера Малевского³⁹.

В декабре 1915 г. Владивосток посетили корабли японской эскадры под командованием контр-адмирала Иде. Японские моряки остались довольны оказанным приемом и пожертвовали через Японское генеральное консульство 100 руб. Владивостокскому благотворительному обществу и 50 руб. - присутствию по оказанию помощи семьям воинов, призванных на войну⁴⁰.

Судя по сохранившимся благодарственным письмам нередко в эти годы экскурсии российских и японских школьников и студентов, участие в выставках и т.п. Например, в июле 1915 г. Коммерческий институт г. Отару прислал в Городскую управу г. Владивостока благодарственное письмо за радушный прием и содействие экскурсии учащихся по Владивостоку⁴¹. Все эти факты наводят на размышления о характере и целях

русско-японской войны, которая, не смотря на понесенные жертвы, не смогла убить в народах двух стран взаимный интерес и доброжелательность.

Итак, представленная в данном обзоре мозаика информации о Японии и японцах, сохранившейся в документах РГИА ДВ, показывает, что игнорирование этого собрания специалистами в России, и Японии совершенно неоправданно. В выявлении сведений имеются определенные сложности, например, с адекватным воспроизведением имен собственных, или с расшифровкой почерков российских чиновников XIX в., но преодолеть эти проблемы совместными усилиями ученых двух стран не только возможно, но необходимо.

---

¹ См.: Файнберг Э.Я. Русско-японские отношения 1697-1875 гг. М., 1960; Кутаков Л.Н. Россия и Япония. М., 1988; Иванова Г.Д. Русские в Японии XIX – нач. XX вв. М., 1993; Черевко К.Е. Зарождение русско-японских отношений XVII – XIX вв. М., 1999 и др.

² East Sea in old western maps. Seoul, 2004. P. 150-151

³ См.: Моргун З.Ф. Японская диаспора во Владивостоке: страницы истории// Известия Восточного института ДВГУ. 1996. № 3; Торопов А.А. К истории деятельности японской диаспоры в Приморской области в начале XX в.// Известия РГИА ДВ. Т.IV. Владивосток, 1999; Шестаков А.В. Японцы в Хабаровске в 1884-1920 гг.// Записки Гродековского музея. Вып. II. Хабаровск, 2001 и др.

⁴ РГИА ДВ. Ф.701. Оп. 1.Д.118

⁵ Там же. Л.7

⁶ Иванова Г.Д. Указ. соч. С. 39

⁷ РГИА ДВ. Ф.701.Оп.1.Д. 118. Л.21

⁸ Там же. Л.26

⁹ Там же. Л.38

¹⁰ Ф.1.Оп.1.Д.289

¹¹ Там же. Д.1678. Л. 502

¹² Спутник по Сибири, Маньчжурии, Амуру и Уссурийскому краю. Вып.3. Владивосток, 1907

¹³ Ф.702.Оп.2.Д.437.Л.34-114. Опубликовано: Порто-франко на Дальнем Востоке. Документы и материалы. Владивосток, 1998. С.31-100

¹⁴ Всеподданнейший отчет Приамурского генерал-губернатора С.М. Духовского за 1893-1895 гг. СПб., 1895.С.165

¹⁵ Позняк Т.З. Иностранцы подданные в городах Дальнего Востока России. Вт. пол. XIX – нач. XX в. Владивосток, 2004. С. 32

¹⁶ Ф.1.Оп.1.Д.6097.Л. 165

¹⁷ Ф.1.Оп.1.Д. 6097.Л. 249

¹⁸ Ф.28.Оп.1.Д.78.Л.251

¹⁹ См.: Мандрик А.Т. История рыбной промышленности российского Дальнего Востока (50-е гг. XVII в. – 20-е гг. XX в.). Владивосток, 1994; Он же. История японского рыболовства в тихоокеанских водах русского Дальнего Востока// Известия РГИА ДВ. Т.1. Владивосток, 1996. С.111-124 и др.

²⁰ Ф.1.Оп.1.Д.1678.Л. 346

²¹ Ф.1.Оп.1.Д.6097.Л.480-481

²² Ф.226.Оп.1.Д.46.Л.75-77; Ф.702.Оп.1.Д.561.Л.4-9. Опубликовано: Из истории востоковедения на российском Дальнем Востоке. Владивосток, 2000. С.212-221

²³ Ф.1.Оп.1.Д.1780.Л.69-70

²⁴ Накамура С. Японцы и русские. Из истории контактов. М., 1983. С.254-257

²⁵ Ф.702.Оп.1.Д.1914.Л.71-71 об.

²⁶ Там же. Л.292-294

²⁷ Л.296-296 об.

²⁸ Ф.1.Оп.1.Д.2930.Л.126-129

²⁹ Ф.1.Оп.1.Д.1537.Л.221

³⁰ Там же. Д.6097.Л. 11-11об.

³¹ Там же. Л. 33-33 об., 96-96 об.

³² Ф.1.Оп.1.Д.1537.Л.10

³³ Там же. Д.1678. Л.368-368а

---

³⁴ Ф.702.Оп.1.Д.431.Л.24-24 об

³⁵ Там же. Л.44, 57

³⁶ Ф.1.Оп.12.Д.194, 208

³⁷ Там же. Д. 191

³⁸ Там же. Л. 37

³⁹ Ф.1.Оп.12.Д.583.Л.1-3

⁴⁰ Ф.28.Оп.1.Д.469.Л.253

⁴¹ Там же. Л.47